

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА: — За что ты на меня напал? Что я тебе сделал плохого?
ПЕТУХ: — Курятник!

К Р О К О Д И Л

№ 32 (1430) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. ГОД ИЗДАНИЯ 34-й МОСКВА 20 НОЯБРЯ 1955

Адам Мицкевич

К столетию со дня смерти

Рисунки Е. ЩЕГЛОВА.

Мужик и Змей

Средь басен, что Эзоп рассказывал умело,
Из жизни всех зверей в далёкие века,
Имеется такой рассказ про Мужика,
Что сделал благостное дело,
И про злодейство гада одного.

Мужик за хворостом зимою в лес явился.
Вдруг камнем с дерева свалился
Змей полумёртвый на него,
Замёрзший весь как есть, с окостенелым
взглядом.

Мужик мой скалился над гадом,
Схватил его за хвост, и в хату поволок,
И положил в теплейший уголок
За печкой, на полати,
Постлал ему кожух, как своему дитяти,
И так дышал усердно на него,
Что тот хоть полумёртв, а к жизни пробудился.
А как воскрес — так вмиг преобразился:
И злобно зашипел, и станом распрявился,
И жалом чуть ли не вонзился
В того,
Кто спас его!

— Как так! — вскричал Мужик. — От смерти
неминучей
Я спас тебя, а ты ужалить норовишь!
Кого! Меня! Нет, сын гадючий,
Шалишь!
И он, схватив дубину,
С ним счёты свёл начистоту:
Сперва по черепу, а после по хвосту,
Затем ударил в середину.
И вот три части поползли:
Хвост к брюху тянется, к хвосту обратно шея,
Но — непосильная затея —
Они соединиться не смогли!

Коль добрый человек пригреть захочет гада, —
За это не нужна ему награда,
Но за измену, так и знай,
Получит кару каждый негодяй!..

Перевод АРГО.

Поздравления

Люди и совы

Дом выростал на поле — светлый, красивый,
новый.
Рядом лягушки жили, ночью кричали совы.
Сказала сова спросонья: «Мне этот новый
дом!»
А жаба, зевнув, прошипела: «Я поселюся
в нём!»
Сказал человек: «Известно, в развалинах совы
живут,
А жабы в гнилье и в скважинах свой находят
приют!
В доме моём высоком, светлом, красивом,
новом
Не приютиться жабам и не поселиться совам!»

Перевод М. СВЕТЛОВА.

Поздравление шли богатым
С золочёными краями,
С купидончиками — фатам,
С красной розой — важной даме.

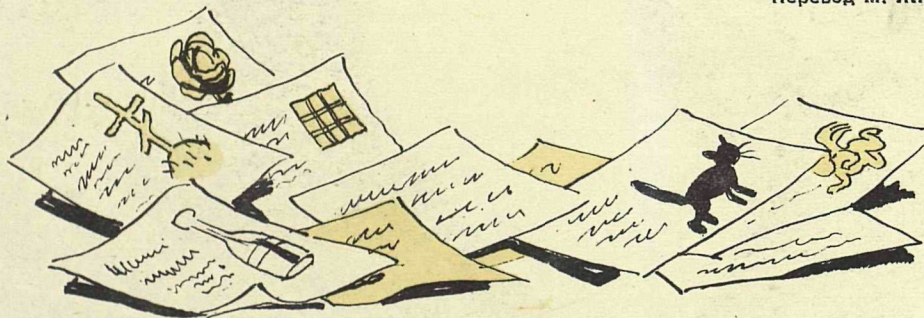
Нарисуй в углу могилку,
Если пишешь старой тётке,
Алкоголику — бутылку,
А предателю — решётку.

Докторам рисуй скелеты,
Чёрных кошек — интригану,
На клочке пиши газеты
Болтуну-политикану.

Поздравление скопидому —
На обёрточной бумаге,
На расписке — эконому,
На кассации — сутяге.

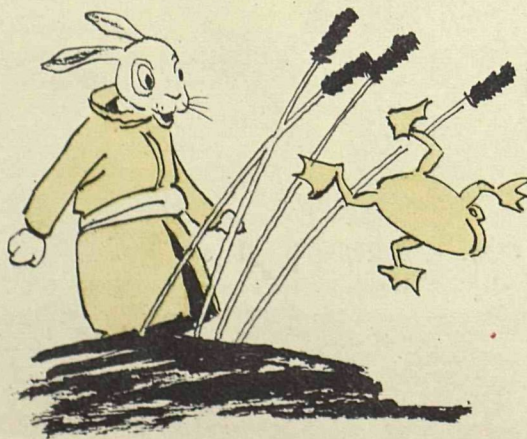
А друзьям на простой ты бумаге пиши,
Но пиши от души.

Перевод М. ЖИВОВА.

Заяц и Лягушка

Жил Заяц sereneкий в заботах и тревоге,
Но всё ж не думал унывать,
Покуда не почувствовал, что ноги
Порядком начали сдавать,
Что прежней силы нету и в помине...
Тогда он возопил в досаде и унынье:
— Хоть обойдите все края,
Ни у кого судьбы нет горше,
Чем участь заячья моя!
За мной охотятся Лиса, и Волк, и Коршун,
И от Собаки я терплю, и от Коня.
Ворона —
Со всем неважная персона —
И та преследует меня!
Бывает, запищит Комар глухою ночью,
Паучий чувствуя укус,
А у меня уж сердце рвётся в клочья —
Я трус! Из трусов первый трус!

Нет в жизни для меня ни счастья, ни покоя,
И потому решил покончить я с собою!
Прощай, родимый луг, и счастье, и любовь,
И радость дней моих, капуста и морковь!
Последнюю слезой мне суждено залиться —
Оповещаю мир, что я иду топиться...
Тут он в слезах заковылял к пруду
И... чуть не раздавил Лягушку на ходу!
Такого ужаса не испытавши сроду,
Она подпрыгнула, бултых — и прямо в воду!
И Заяц рассудил:

— На трусах мир стоит!
Так нужно ль попусту терзаться,
Когда на каждого затравленного Заяца
Лягушка есть, что перед ним дрожит!..

Перевод АРГО.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

— Мне дела нет, что вы ремонт не закончили, я белить начинаю!

О ШТАТНЫХ ЛЕТОПИСЦАХ

*Открытое письмо заместителю министра городского
и сельского строительства СССР товарищу
А. И. БУДИНОВУ*

Разрешите, Александр Иванович, задать вам один вопрос. Не пора ли включить в штатные ведомости некоторых трестов хотя бы одного летописца? Поверьте, потребность в таком летописце давно назрела. Что же касается расхоров на его содержание, то они не так уж велики. В самом деле, что одинокому летописцу надо? Закуток в конторе (такой всегда найдёт адмхозчасть), свеча (можно заменить 25-свечевой лампочкой), щербатый стол, бутылка с чернилами и свиток пергамента, то бишь бумаги. Всё это сущие пустяки. Самого летописца тоже не трудно найти. Поручите это отделу кадров, и он в два счёта подберёт Пимена с такой анкетой, биографией и квалификацией, которые не снились ни Митьке Смирномордovu, ни двум Мишкам Тряпичкиным, ни Павлушке, сыну Маслособойникова. А ведь они, по свидетельству Салтыкова-Щедрина, преемственно слагали летопись города Глупова!

Вы можете усомниться, нужен ли вообще штатный летописец. Дескать, наши потомки узнают о жизни строительно-монтажных трестов из министерских приказов. Слов нет, в приказах и распоряжениях подведомственная вам периферия не испытывает недостатка. Но могут ли они заменить плавный и величавый рассказ летописца о людях и событиях, проходящих пред его взором? Разве сухой, лаконичный приказ сможет воссоздать историю деяний, скажем, кзылтуского треста, который строит совхозные посёлки на целинной кокчетавской земле? Разумеется, нет.

Другое дело — профессионал-летописец. Его повествование не упустит ни одного факта, ни одной детали. Кстати, о деталях. Он поведаёт потомкам о том, как завозились детали сборных домов. Оказывается, щиты для стен выгружались в Кустанае, шифер для кровли — в Кокчетаве, оконные переплёты и двери сбра-

сывались на разъезде Кара-гуга. Прежде чем собрать дом в совхозе, строителям приходилось собирать его детали на разных станциях.

Много интересного мог бы рассказать штатный летописец о строительных площадках. Потому что будут несказанно удивлены, когда узнают, что в наш индустриальный век ведущим механизмом в Кзыл-Ту была обыкновенная лопата. К тому же одна лопата приходилась на целую бригаду землекопов.

Далее летописец коснулся бы трухлявого горбыля, который прибывает взамен добротных пиломатериалов. Наконец, он исписал бы целые томы о неорганизованности, неразберихе, плохой организации труда. Особый том был бы посвящён лжеклятвам. Руководители треста давали всякого рода клятвы: торжественные, будничные, парадные, со слезой, с надрывом, со вздохом, с раскаянием, железные, нерушимые, последние и многие другие. И всё напрасно. Даже в сентябре 1955 года трест не сдал в эксплуатацию ни одного объекта. Таким образом, цена всех этих клятв не намного превышала цену трухлявого горбыля.

Кадры Кзылтустроа доставили бы летописцу уйму работы. Пришлось бы описать: удивительные операции бывшего главного инженера треста И. С. Шевченко, который продал дом, выстроенный за счёт государства; пьяные дебоши бывшего начальника автобазы Красули и нынешнего С. И. Хомича и многое другое.

Особое место в летописи Кзылтустроа может быть отведено разного рода командированным, которые прибывали в трест для помощи и руководства. Всего за июнь, июль, август и сентябрь из Москвы, Алма-Аты и Кокчетавы прибыло 23 уполномоченных, что составляет в среднем 5,75 уполномоченного в месяц. Летописец мог бы составить опись этих

командированных; она, вероятно, выглядела бы так:

Гаврилов (имя и отчество не установлены). Прибыл из Москвы как посланец планового управления Министерства городского и сельского строительства СССР. Поразил кзылтусцев неистребимой любовью к лёгкой атлетике. Ежедневно по утрам тренировался на площади райцентра в беге на 100, 200, 400 и 800 метров. Удивлял зрителей бурным финишем на воображаемой гаревой дорожке.

В свободное от бега время заглядывал в трест, где подолгу рассматривал контурные наброски зданий, которые надлежит возвести Кзылтустрою. Старательно избегал вмешиваться в какие бы то ни было дела. Оставил строителям ценное руководящее указание, а именно: затушёвывать на чертеже фундаменты не чёрной, а коричневой тушью, — дескать, так они будут выглядеть натуральнее.

Дайн, Александр Александрович. Полномочный представитель того же министерства. Обаятельнейший в бытовом обиходе человек. Вёл себя на редкость скромно. Старался держаться в тени. Его присутствие выдавало лишь лёгкое поскрипывание обуви да этакий приятный для уха носовой звук, нечто среднее между «гм» и «кхм». Получив от машинистки копию со старой справки о финансовом состоянии треста, счёл свою оперативную миссию законченной и отбыл в Москву.

Темирханов, Петренко, Терехов прибыли из Главсеверостроя. Стояли на позициях невмешательства в строительную жизнь треста. Темирханов увековечил своё пребывание в Кзыл-Ту распоряжением вывесить табличку с указанием часов приёма.

Опись уполномоченных можно продолжить. Но, видимо, этим займётся будущий летописец. Не так ли, Александр Иванович? Мы чувствуем, что наши доводы поколебали вас и вы в ближайшее же время заведёте летописцев, упорядочите наконец это дело. Заодно не мешает вам навести порядок и в строительстве совхозных посёлков в кзылтуских степях. На этом разрешите поставить точку.

Низко кланяюсь

Крокодил

— На этом до будущей весны пока остановимся!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Юрий ГЕРАСИМЕНКО

„Киномихайлик“

Знать все формулы легко ли!
А язык! Черчение!
Нет, Михайлик видел в школе
Только огорчения!
В храм наук пути тернисты,
Трудно будет справиться.
Не пойти ль в киноартисты,
Чтоб скорей прославиться!..
И мольбы достигли цели
Папины и мамыны:
Миша,— правда, еле-еле —
В школе сдал экзамены!
Аттестат получен. Точка.
Напекли печения
И отправили сыночка
В город, на учение...

Шлёт письмо Михайлик скоро:
«Злы экзаминаторы!
Поступаю не в актёры —
В кинооператоры».
На неделе — снова вести:
« Попрошу без паники!
Поступил на новом месте
Я в киномеханики».
Вскоре прибыл сам оттуда
И сказал родителям:
— Поживу-ка я покуда
Здесь кинолюбителем!..
Ветерок хлеба колышет,
Нивы словно в золоте.
Предколхоза входит к Мише:
— Отдыхать изволите!

Помогли бы трактористам!..
— Нет, побуду дома я:
Чистка плуга нам, артистам,—
Дело незнакомое!
— Ну, тогда под силос яму
Ройте у излучины!..
Но «артист» твердит упрямо:
Нет, мол, «не обучены»!
— Что ж! Возить бригадам воду
Вам дадим задание...
— Не возил я воду сроду:
Не моё призвание!
Миша дел не любит грубых,
Ходит и красуется,
Лишь программой в местных
клубах

Он интересуется.
На штанинах цвета дыма
«Стрелки» безупречные,
Но... смеясь, проходят мимо
Все девчата встречные:
— Не запачкай брюк, Михайлик!
— Эй, не гнись, сломаешься!
— Расскажи, КИНОМИХАЙЛИК,
Где, артист, снимаешься!..
Надо б чаду спохватиться,
Ведь уже в годах оно,
Над губами — косовица,
В голове — не пахано!

Перевёл с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

Лальск — центр самого северного района Кировской области. Предметом особой гордости лальчан является бумажная фабрика. О ней говорят и стар и млад.

— Да вы знаете, какая у нас фабрика? — Бумажная... — неосторожно отвечаете вы и видите, как вопрошающий досадливо машет рукой:

— Известно, что бумажная... А помимо того, ещё старейшая! Сто двадцать пять годочков существуем, не другим чета...

На фабрике нам первым делом показали два внушительного вида альбома со снимками и документами. Один из альбомов открывается фотокопией старинной записи, которую новичку прочитывают неизменно с торжественным накалом в голосе.

«28 августа 1829 года лальским второй гильдии купцом Степаном Сумкиным на реке Шилюг, в месте нахождения там мельницы, основана писчебумажная фабрика, — гласит запись. — Вскоре после сего Сумкин произвёл на оной фабрике ручным черпательным способом первый лист бумаги...»

Прошло ровно 125 лет, и 28 августа 1954 года в посёлке фабрики зажглись праздничные огни и начались торжества.

Двое суток с клубной трибуны звучали доклады и приветственные речи, оглашались поздравления из районного и областного центров, из главка и министерства, зачитывались приказы о наградах и премиях.

Иван Прокопьевич Фролов, директор лальской фабрики, сделал доклад и показал, как далеко вперёд шагнула техника бумажного производства за истекшие 125 лет.

Именно в тот момент, когда докладчик говорил о техническом прогрессе, кадровый лальский сеточник Пётр Иванович Пешков склонился к своей сменнице Марии Ивановне Зарубиной и довольно громко сказал:

ЛАЛЬСКИЕ ЮБИЛЕИ

— Действительно, техника ушла от нас этак лет на сто вперёд. И как ей не уйти! Машина-то, на которой мы сейчас делаем бумагу, установлена Сумкиным как раз сто лет назад, в 1854 году...

То ли этот разговор подслушали, то ли ещё что, но на следующий день на фабрике только и было разговору о знаменательных датах и возможных по сему поводу юбилеях.

Сеточники второй бумажной машины предъявили неоспоримые доказательства того, что их «старушке» стукнуло шестьдесят лет, в тряпичном цехе обнаружили на котлах даты столетней давности. Деятели паросилового хозяйства были вынуждены удовлетвориться датой сорокалетней давности.

Увлечение юбилеями стало всеобщим. В бумажном зале, который на фабрике называют «колонным», собираются праздновать двадцатилетие колонн. Здесь нам довелось услышать такой диалог между мастером и подсобным рабочим:

— Петя, ты поосторожней! Не подпирай колонну, она сама подпирает падающий потолок. Ненароком сдвинешь с места, весело будет...

— А я думал, она для красоты поставлена, Николай Сергеевич.

— От такой красоты подальше...

В августе нынешнего года на фабрике жили надеждами. Ожидали, что министерские работники вспомнят лальчан и предложат отметить первую годовщину со дня празднования 125-летнего юбилея. Но работники Минбумпрома остались равнодушны к седой истории лальской бумаги, а заодно и к истории своих бумаг о лальской бумаге.

Тем самым были упущены богатые юбилейные возможности.

Так осталось неотмеченным десятилетие приказа № 247 наркома (да, да, ещё наркома) целлюлозно-бумажной промышленности Г. М. Орлова от 28 марта 1945 года о реконструкции лальской бумажной фабрики.

Нельзя же считать полноценным юбилейным торжеством совещание у министра бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР Ф. Д. Вараксина в апреле нынешнего года, которое смело решило заменить столетнюю бумажную машину... шестидесятилетней, снятой с другого предприятия.

Правда, даже такое решение привело некоторых лальчан в восторг.

— Блестящий пример подлинного технического прогресса, отважный бросок вперёд на целых сорок лет! — восклицали они. — Ещё две такие реконструкции — и мы не только пойдём в ногу со всеми бумажниками страны, но и обгоним их на полкорпуса...

Неотмеченной осталась в министерстве и Главвостбумпроме и восьмая годовщина постановки вопроса о замене на фабрике старой паровой машины новой турбиной. Вопрос как поставлен, так и стоит, но не совсем устойчиво стоит сама паровая машина, перевязанная по старости проволокой.

А двадцатипятилетие начала переписки по вопросу строительства узкоколейной дороги от станции Луза до фабрики! По всем этим поводам исписано такое количество бумаги, какое лальским бумажникам и за год не выпустить. Даже после реконструкции...

Нет, неуважительно относятся в Минбумпроме к истории. Впрочем, не только к истории, но и к текущим будням.

Ник. ПЕРОВ

с. Лальск,
Кировская область.

Рисунок Бориса ЛЕО.

Однажды он забрался отцу на шею...

...да так и не слез.

Я З Ы К Д Р У Ж Б Ы

В ГОСТЯХ У ВЕНГЕРСКИХ ДРУЗЕЙ

ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЕ ПРОГРАММЫ

У нас была очень обширная программа. Как можно было быть в Венгрии и не поехать в новый город венгерских металлургов Сталинварош, гордость народной Венгрии! А как можно пропустить экскурсию на судоверфь, где строятся теплоходы для Советского Союза!

А поездка в старинный город Эгер! А озеро Балатон — лазурное, бескрайнее, уходящее за горизонт, как море!..

И, наконец, сам Будапешт! Сверху, с горы Геллерт, особенно вечером, расчерченный пунктирами фонарей, он кажется похожим на Тбилиси. Отдельные районы его напоминают Ленинград, другие — Ригу, а зелёные проспекты с уличными кафе приводят на память Одессу.

И в то же время это всегда Будапешт, неповторимый и своеобразный и в тихих районах Буды с её садами и коттеджами, и в шумных торговых и промышленных районах Пешта, и в просторных площадях и величественных зданиях района парламента и Национальной галереи.

И, конечно, очень красит город Дунай с его мостами, с его великолепными набережными, на ступеньках которых сидят целыми днями рыболовы, такие же упорные и такие же малоудачливые, как и москворецкие...

Однако советский турист — это совершенно особый вид туриста. Это не просто путешественник с фотоаппаратом и блокнотом, собиратель сувениров и созерцатель исторических достопримечательностей. Нет, это турист активный, деятельный, — словом, это советский человек, который остаётся самим собой, где бы он ни был.

У нас, повторяем, была обширная программа, но советские люди привыкли всегда и везде перевыполнять программу. Профессор-историк шёл в университет для встречи со своими венгерскими коллегами, и эта встреча заканчивалась внеплановой лекцией этого профессора в университете. Режиссёр заходил в театр, чтобы познакомиться с постановкой советских пьес, а на другой день он уже проводил в этом театре репетицию. Студенты МГУ собирали материал для своих дипломных работ, посвящённых Венгрии. Профсоюзные работники застревали на заводах и в клубах, а спортивные деятели — на стадионах. Любая встреча превращалась в обмен опытом.

Юристы, архитекторы, текстильщики, киноработники, писатели — все встречались со своими венгерскими товарищами по профессии.

Количество внеплановых встреч и экскурсий росло с каждым днём. А Дом журналистов, Общество венгеро-советской дружбы, да и просто наши венгерские знакомые — все стремились показать нам ещё что-нибудь, удовлетворить все наши запросы. Стоило кому-нибудь выразить желание детальнее познакомиться с архитектурой — сейчас же рядом слышалось: «О, у меня папа — архитектор!» Тут же вызывался старик-папа и становился добровольным гидом новой, внеплановой экскурсии.

Встреч и разговоров было столько, что переводчиков уже не хватало. А без знания языка получаются казусы... Однажды четверо наших туристов захотели выпить пива. Языка никто из них не знал. Кто-то подсказал им немецкую формулу «фир-бир». Но пока шла очередь, они формулу забыли и, подойдя к стойке, потребовали: «Тыр-пыр! Четыре раза!..»

НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ

Трудно встретить человека, который не попытался бы приветствовать вас хоть несколькими русскими словами. То и дело слышалось:

«Здравствуй, товарищ!», «Привет, советские друзья!», — а в городе Секешфехервар к нам подошёл маленький мальчик и произнёс целую речь, в которой выложил весь свой запас русских слов подряд. Он сказал: «Пожалуйста, здравствуй, спасибо, не понимаю!..». Затем, уже при помощи жестов, он попросил спортивный значок и, получив его, вприпрыжку побежал к приятелям, явно гордясь проведённой содержательной беседой.

Русский язык здесь изучают в школах начиная с пятых классов, в институтах и просто так, самостоятельно, дома. Сейчас для этого есть все условия: русская литература, учебники, преподаватели. А вот товарищ Радвани, один из наших новых венгерских друзей, изучал русский язык более сложным способом. В 1940 году, в старой Венгрии, изучение русского языка считалось государственным преступлением. Но молодой член Коммунистической партии Радвани мечтал читать в подлинниках Ленина и Горького, он считал своим долгом знать язык первой в мире страны социализма. Пособий не было. Случайно ему попала единственная русская книга — сборник пословиц и поговорок. По ней он и учился.

И вот в день освобождения навстречу входящим в город нашим войскам выбежал молодой человек со слезами радости на глазах, который восторженно кричал: «Куй железо, пока горячо!», «Что с возу упало, то пропало!», «Лес рубят — щепки летят!», «Ура!».

Поскольку он и дальше объяснялся только поговорками, его сперва даже сочли не совсем нормальным. Теперь он вполне хорошо говорит по-русски, и только изредка из него ещё высыпают поговорки и поговорки, правда, по большей части уже к стати.

Но радушие венгров и их дружелюбие по отношению к советским людям выразилось не только в русских приветствиях. Всюду происходил лихорадочный обмен значками и другими случайными сувенирами. После нашего приезда то и дело можно было встретить седого венгра, солидного доктора наук, увешанного не соответствующими его возрасту нашими спортивными и даже пионерскими значками. Причём носил он эти значки с явным удовольствием.

А мальчишки дежурили у гостиницы с раскрытыми тетрадиками. Они собирали автографы, — что особенно ценно, — автографы простых, ничем не знаменитых советских людей.

ЗДЕСЬ ЛЮБЯТ СПОРТ

Венгры — вообще очень красивый народ — сейчас выглядят особенно здоровыми, стройными, подтянутыми и в городе и в деревне. Это прежде всего благодаря спорту. За него не только «болеют», им занимаются. Занимаются почти поголовно.

Детей здесь учат плавать с четырёх лет. Правда, есть где учиться в одном Будапеште 81 бассейн, в том числе 12 спортивных.

И вообще народное правительство создаёт все условия для того, чтобы спорт в стране стал подлинно массовым и народным. Всюду, в каждом свободном дворе, — спортивные площадки, в парках — открытые для всех желающих стадионы, в каждом городе, городке, селении — футбольные поля.

Спорт всюду. Даже в Луна-парке любимый аттракцион — настоящие футбольные ворота, в которых стоит настоящий, первоклассный вратарь. Любой желающий может пробить ему одиннадцатиметровый удар. Тот, кто забьёт одиннадцать мячей из двенадцати ударов, получает большой приз. Всюду опытные инструкторы. Отличный спортивный инвентарь. И в результате высокие показатели чемпионов во всех видах спорта и широкое, массовое спортивное движение во всей стране.

ЗДЕСЬ ЛЮБЯТ ШУТКУ

В этом мы убедились в первые же часы нашего пребывания на венгерской земле.

Добродушная и весёлая венгерская шутка сопровождала нас всюду. Вот, например, табличка в будке уличного телефона-автомата. На этой табличке вместо сакраментальной надписи «Разговор свыше 3 минут воспрещается» просто карикатура: нарисована большая очередь к этому самому автомату, где люди охают, хватаются за голову, разводят руками, а один даже заснул в ожидании. А в будочке изображена беспечно щечечущая молодая особа, которая, видимо, давно уже испытывает терпение этой очереди. И эта карикатурка-напсминание очень действует!

Весело смеётся народ и в театральных залах Венгрии, на представлениях мадьярских и наших советских комедий и оперетт, на спектаклях Театра миниатюр «Весёлая сцена». В этом театре больше всего понравилась нам ставшая уже классической форма «Два приятеля» — номер, исполняемый в том же составе тридцать шесть лет, в каждой программе Театра миниатюр. Это диалог, в котором меняются темы, шутки и объекты сатиры, а образы исполнителей постоянные.

Первый — активный человек, интересующийся всем; его зовут Шоя.

А второй — Хочек — комический характер, упрямый спорщик, который не хочет и не может принять ничего нового, да к тому же ещё понимает всё впрямую и очень на всё обижается.

Вот они выходят на авансцену, садятся друг против друга за столик и десять минут спорят по каждому более или менее злободневному поводу.

Например, Шоя, вспоминая о недавней победе венгров над поляками в водном поло, говорит:

— Здорово мы им показали в Варшаве!
— Мы? — удивляется Хочек. — Я никогда не был в Варшаве.
— Я говорю о наших ребятах, — поясняет Шоя.

— А у меня вообще девочка! — пожимает плечами Хочек.

Наконец, выведенный из себя вздорностью и упрямством друга, Шоя начинает укорять его, что тот ничего не знает, не читает книг...

— Как это не читаю? — обижается Хочек. — Я сейчас даже сам пишу книгу!

— Книгу? О чём? — удивляется Шоя.
— О Южной Африке.
— Но ты же никогда не был в Южной Африке!

— Что с того? — невозмутимо отвечает Хочек. — Данте тоже не был в аду. Однако ж написал!..

Весело в театрах, весело и на танцах.

В ресторанах, варьете, рабочих клубах играют небольшие национальные и эстрадные оркестры. И всюду молодёжь танцует. Мест для танцев много, и поэтому нигде нет толкучки. В рабочем клубе мы увидели, как молодая пара танцевала вместе с маленькой дочкой: отец держал её за одну руку, а мать — за другую. Таких танцевальных троек оказалось несколько. Выяснилось, что когда детей не с кем оставить дома, их берут с собой и включают их в этот своеобразный танец, так как венгры очень любят танцевать.

И вообще, вспоминая сейчас будапештцев, прежде всего восстанавливаешь в памяти общее ощущение здоровья, жизнерадостности, веселья.

И это веселье и жизнерадостность — от сознания правильности выбранного народом пути, от уверенности в своём светлом и счастливым будущем.

БУДАПЕШТСКИЕ ВСТРЕЧИ

О пользе эрудиции

Итак, мы едем по венгерской земле. За окном ночь. Но, как водится в таких случаях, никто не спит. Открыты двери купе. В коридоре весёлая теснота. И здесь кто-то вспоминает, что на стенке нашего вагона латинскими буквами написано: «Парнас».

— Братцы! — говорит один из нас. — А всё-таки у венгров здорово развито чувство юмора! Вагон, в котором едут писатели-туристы, специально назвали «Парнас».

В беседу деликатно вмешивается переводчица, сотрудник будапештской газеты «Уй вилаг» Нора Шомоди.

— Вы совершенно правы. У венгров развито чувство юмора. Но слово «парнас» читается «парнаш» и означает «мягкий»...

Наш дизель-экспресс продолжает отщелкивать километры.

— Я считаю, что нам повезло, — замечает турист-драматург, — сентябрь, золотая осень, — и нет дождя...

— Надо вам сказать, — раздаётся из глубины купе, — что это очень просто объясняется: в Венгрии слишком высоких гор нет, а имеющиеся возвышенности могут заставить воздушные массы подняться лишь на небольшую высоту.

— Вот именно! — уверенно добавляет турист-поэт. — В центральном Альфёльде, например, выпадает наименьшее количество осадков, а, скажем, на юго-западе Дунантула, как вы знаете, наибольшее.

Эрудиция наших товарищей потрясла нас, и мы безмолвно развели руками. Однако это состояние длилось недолго.

— Вы э-забыли с-к-казать, — чуть заикаясь, произнёс один из братьев-писателей, — что в Дебрецене, например, количество осадков подвержено сильным колебаниям. Это во-первых. А во-вторых, не надо унижать своей эрудицией остальных товарищей. Мы с вами готовились по одному источнику.

И он мужественно извлёк из кармана синенькую книжку «География Венгрии».

В день футбола

В воскресенье 25 сентября, спускаясь по лестнице в вестибюль отеля, мы услышали, как портье на обращённый к нему вопрос: «Который час?» — ответил: «Ровно семь часов».

Это настолько не совпадало с показаниями наших часов, что мы сказали об этом портье. Улыбаясь, он пояснил: «Семь часов до начала футбольного матча».

Так в этот день большого футбола велось в Будапеште часоисчисление.

На залитых солнцем улицах города царил бурное оживление. У витрины Общества венгеро-советской дружбы собралась толпа перед вывешенными там фотографиями наших футболистов. Здесь высказывались прогнозы. Отцы, катившие по тротуарам коляски с младенцами, останавливались и с ходу вступали в общие разговоры. К витрине съехалось свыше десятка колясок. В беседе на футбольные темы не принимали участие только маленькие пассажиры; они были не в курсе дела и потому молча возлежали, с любопытством взирая на своих возбуждённых родителей.

Задолго до начала матча к Народному стадиону устремились многие тысячи болельщиков. Совсем как в Москве, они вились на подножках трамвая, совсем как в Москве, до отказа набивались в автобусы и, не совсем как в Москве, спускались в метро. Поезд метро, состоящий здесь из

одного маленького вагончика, боязливо подкатывал к платформе, всем своим видом как бы говоря: «Умоляю вас, осторожней! Я самый старый метрополитен в Европе. Я родился, когда, может, и вас всех ещё не было на свете. Футбольная нагрузка мне не по плечу».

Здесь, на подземной платформе, мы с невольной улыбкой подумали о том, что, если бы попал такой вагончик к нам на станцию «Динамо» в день большого футбола, азартная толпа болельщиков вынесла бы его на своих плечах, и встревоженный дежурный по станции обнаружил бы впоследствии этот вагончик где-нибудь на Восточной трибуне.

За полчаса до игры мы побывали в ложе советского радиокомментатора. Сотни зрителей трибуны, примыкавшей к ложе, завели с нами разговор. Он был необычный. Отделённые от нас толстым стеклом, они объяснялись с нами при помощи жестов. Пять пальцев одной руки и два пальца другой означали 5:2 в пользу венгерской команды. Мы были скромнее. Мы ограничились тем, что показали три пальца одной руки и два пальца другой, сведённые в кружок. Это означало 3:0 в нашу пользу. Венгры качали головами и поднимали четыре пальца и один. Мы отступили на один палец и предложили вариант 2:0.

В дальнейшем выяснилось, что спорили мы, в общем, зря. Игра окончилась, как известно, ничью: 1:1. Но объяснение с помощью жестов имело практический смысл. Мы берегли голоса. Нам предстояло «болеть», мобилизуя для этой цели все свои голосовые данные.

У нас в народе говорится: «Так нашу-мели люди, что потом ещё дня два пришлось голоса лопатой выпрепать».

Для подобной операции после матча на будапештском стадионе потребовались бы мощные экскаваторы и минские самосвалы. При трёхдневной работе всей этой техники здесь бы пришлось потрудиться не меньше двух недель.

Соратники

Этот симпатичный боевой товарищ понравился нам с первого взгляда. Прочно стоя на земле, откинув назад голову в шляпе, украшенной колоском и звёздочкой, с хворостиной в одной руке и с белым гусем в другой, он улыбаясь нам с обложки сатирического журнала-газеты, названного его именем — Лудаши Мати.

Это любимый герой народных сказок и легенд, скромный крестьянский паренёк, находчивый и смелый. В давние времена он лихо отстегал хворостиной злого помещика. А сегодня он борется со всем тем, что ещё мешает его родному народу строить новую жизнь.

Он смело сражается с реакционерами, воюет с бюрократами, хлещет своей хворостиной лодырей и болтунов.

Мы пришли с группой товарищей в редакцию «Лудаши Мати» в разгар рабочего дня. В кабинете главного редактора смеялись. Да, да, смеялись! И это означало, что здесь работают. В кабинете смеялись над острыми фельетонами и рассказами Дарваша, Фелеки, Мижеша, Вайда, над весёлыми и едкими карикатурами Герё, Каяна, Ребера, Анны Вашвари.

Ответственный редактор Дьёрдь Фёльдеш, попыкая трубочкой, рассматривал идущий в номер смешной рисунок. Позже на наш вопрос, как ему удаётся в такие минуты сохранять на своём лице выражение невозмутимой серьёзности, Фёльдеш, мягко улыбувшись, доверительно сказал нам: «Это я делаю для того, чтобы вну-

шить всем сотрудникам, что смех — дело серьёзное».

Главный редактор Бела Гадор, представляя нам работников редакции, приветливо сказал:

— Мы очень рады встретиться сегодня с нашими советскими соратниками. До сегодняшнего дня мы были знакомы только заочно. Наш московский друг «Крокодил» перепечатывает на своих страницах венгерских сатириков, а мы с удовольствием печатаем у себя стихи, фельетоны, рисунки советских авторов.

И сразу завязалась беседа о роли сатирика в борьбе за новую жизнь, о связи писателей с жизнью, о позитивном юморе...

В этом месте беседы на столе неожиданно появилось вино. Заметив, что мы увлечены разговором и забыли о своих бокалах, Гадор что-то сказал, и все вокруг рассмеялись. Переводчик перевёл нам реплику Гадора: «Я понимаю, почему наши московские друзья не пьют. Вероятно, потому, что в данную минуту мы обсуждаем вопросы позитивного юмора».

В нашей беседе нам активно помогал переводчик, сотрудник редакции Шандор Фодор, студент Ленинградского университета имени Жданова. Но помогал нам не только переводчик. Часто мы понимали друг друга с полуслова.

Когда один из венгерских писателей начал фразу:

— Бывает так. Критикуем мы в «Лудаши Мати» какого-нибудь нерадивого директора и...

— Понятно, — закончили мы, — критикуете одного, а обижаются десять.

Венгерские товарищи удивлённо переглянулись. Это был редкий случай, когда недостаточное понимание языка компенсировалось достаточным пониманием вопроса.

Сознание того, что мы делаем одно общее дело, очень помогало нам в нашей беседе, и мы лишней раз убедились в том, что юмор и добрая шутка по-настоящему сближают людей.

Мы расставались друзьями. С нас взяли слово, что мы передадим сердечный привет «Крокодилу» и его читателям, что мы с удовольствием и делаем.

Справедливость требует заметить, что вино, которое появилось на столе во время разговора о позитивном юморе, мы с удовольствием распили, отдав дань радушию и гостеприимству редакции и высокому качеству токайского вина. А если бы мы сейчас с серьёзным видом заявили, что мы его не выпили, нам просто никто бы не поверил.

Тэшшек!

Слово «тэшшек» по-венгерски означает «пожалуйста». Как нам удалось заметить, это слово едва ли не самое распространённое в Венгрии. Мы его слышали на улицах, в магазинах, на заводах и в учреждениях, в трамваях и автобусах. Это выражение вежливости проявляется везде и всюду. Пожалуй, единственным советским человеком, которому не довелось услышать это слово, был нападающий Юрий Кузнецов. В тот момент, когда он забивал мяч в ворота венгерской команды, он не услышал ни слова «тэшшек», ни слова «кёсэнэм», что означает по-венгерски «спасибо».

Возвращаясь домой, на пограничной станции Захонь мы услышали много тёплых напутственных слов. И последняя фраза, прозвучавшая на вокзале, была:

— Передайте о наших дружеских чувствах Москве. Тэшшек!

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

— Что там ни говорите, Джексон, а слушая Эмиля Гилельса, забываешь обо всём на свете.

— В этом-то, мой друг, и главная его опасность! Я бы после концерта встал у выхода из зала и потребовал: «Во имя высоких североатлантических принципов покажите свои ладони! Кто хлопал? Кому хлопали? А?»

— Вы это серьёзно?

— Совершенно серьёзно. Давайте рассуждать по-деловому. Не правда ли, во время концерта вы совершенно забыли о русской угрозе?

— Да, действительно, я как-то упустил это из виду...

— Вот видите! А не заставил ли он вас, коммерсанта и респектабельного человека, забыть о преимуществах частной инициативы?

— Был такой грех, не скрою.

— Мистер Оливер Кромли,— торжественно сказал Джексон,— отныне вы мне более не друг.

Оба весело рассмеялись.

— Однако,— и Кромли стал серьёзным,— я чувствую, что за вашей шуткой кто-то стоит. Уж не подсажала ли вам её какая-нибудь из наших газет?

— Журнал, Кромли, вашингтонский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Вы, значит, не читали статью «Искусство и развлечение — последнее оружие США в «холодной войне»?

Кромли отрицательно покачал головой.

— Тогда слушайте: «Американская культура — музыка, театр, все виды искусства — демонстрируется сейчас повсюду. Это новая стратегия против коммунизма, и она имеет большой успех».

— В октаве семь тонов. Мне ясно слышится восьмой.

— Да, это тон отнюдь не музыкальный. Слушайте дальше: «Россия, которая давно занимается экспортом культуры, убеждается в том, что американских артистов восторженно встречают за границей».

— Однако мне кажется, русские не против такой конкуренции. Я бы не сказал, что она разжигает нездоровые страсти.

— Вы наивны, Кромли! По мнению специалистов из «Юнайтед Стейтс ньюс», это даже не конкуренция, а настоящая война. Выступления советских и американских деятелей искусства журнал сравнивает со «старинными состязаниями, когда трубачи одного оркестра пытались заглушить рожки другого». Они пишут о «всемирной битве на фронте культуры», о том, что эта битва «разгорается», и так далее в том же духе. В общем, искусство, по мнению этих господ,— оружие в «холодной войне».

— И к тому же по радиусу действия равное термоядерному!

— Не смейтесь, Кромли. Ведь «Юнайтед Стейтс ньюс» всерьёз пытается внушить своим читателям, что скрипач, посланный за границу, подобен реактивному бомбардировщику, а танцевальный ансамбль — мотомеханизированной дивизии. Гилельса, во всяком слу-

чае, агентство Юнайтед Пресс уже окрестило «передовым бойцом советского культурного вторжения в США».

— Знаете, Джексон, я где-то слышал хорошую китайскую поговорку: «Загони змею в бамбуковую палку, она и там попытается извиваться». Редакторы «Юнайтед Стейтс ньюс» напоминают мне такую змею. Извиваются и шипят... Так что же, пойдём на следующий концерт советских артистов?

— А мы не прослышём противниками Североатлантического союза?

— Рискнём!

— Ну, в таком случае нам надо будет поторопиться. Ведь очереди за билетами становятся не короче, а длиннее!

П. ЕВГЕНЬЕВ

НИКАКОГО УЩЕРБА

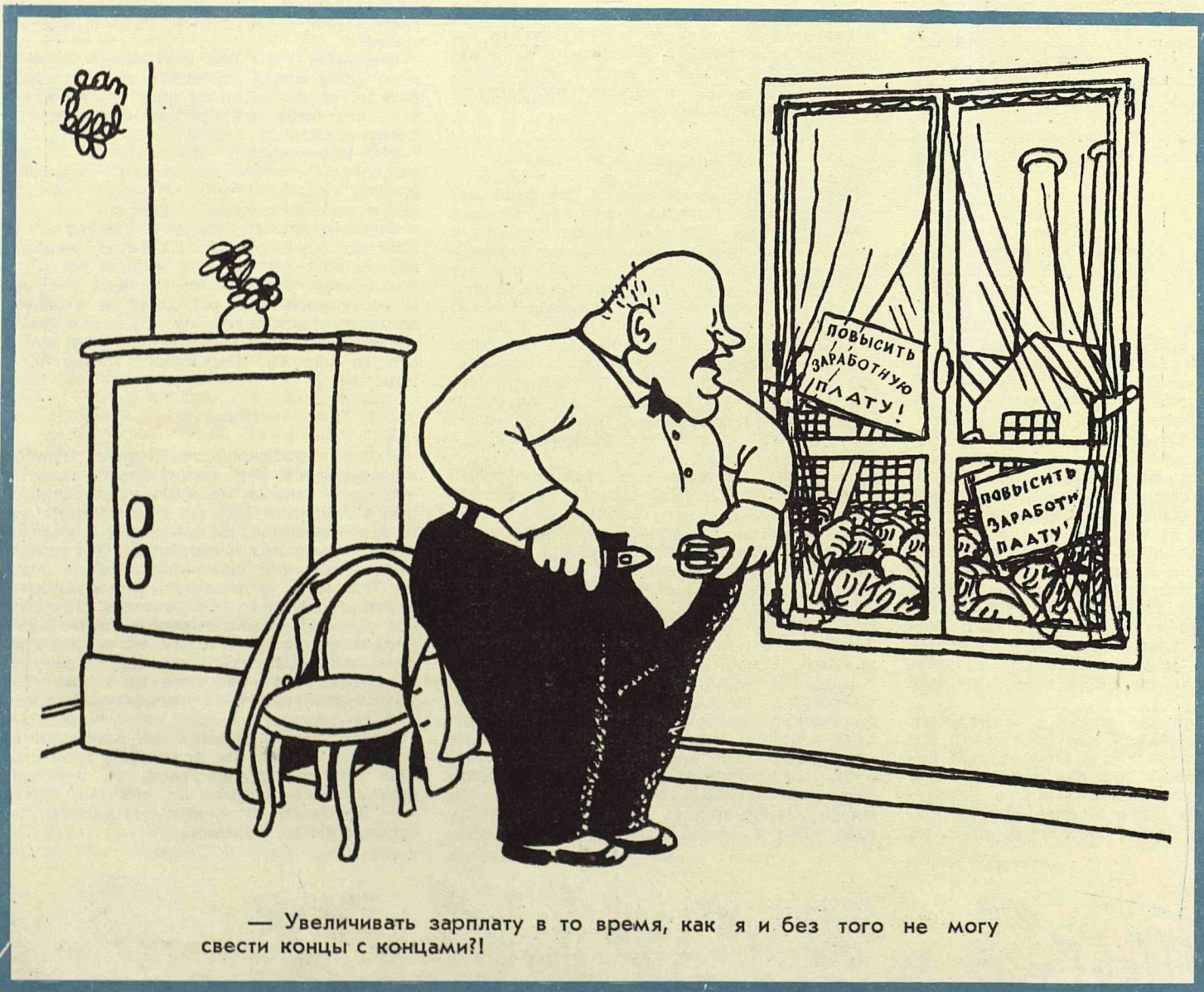
Токийское радио недавно передало: «Из Иокогамы сообщают, что реактивный истребитель американских войск, летевший над городом Иокогама, внезапно взорвался в воздухе и упал на землю. Падение самолёта не нанесло никакого ущерба жителям города».

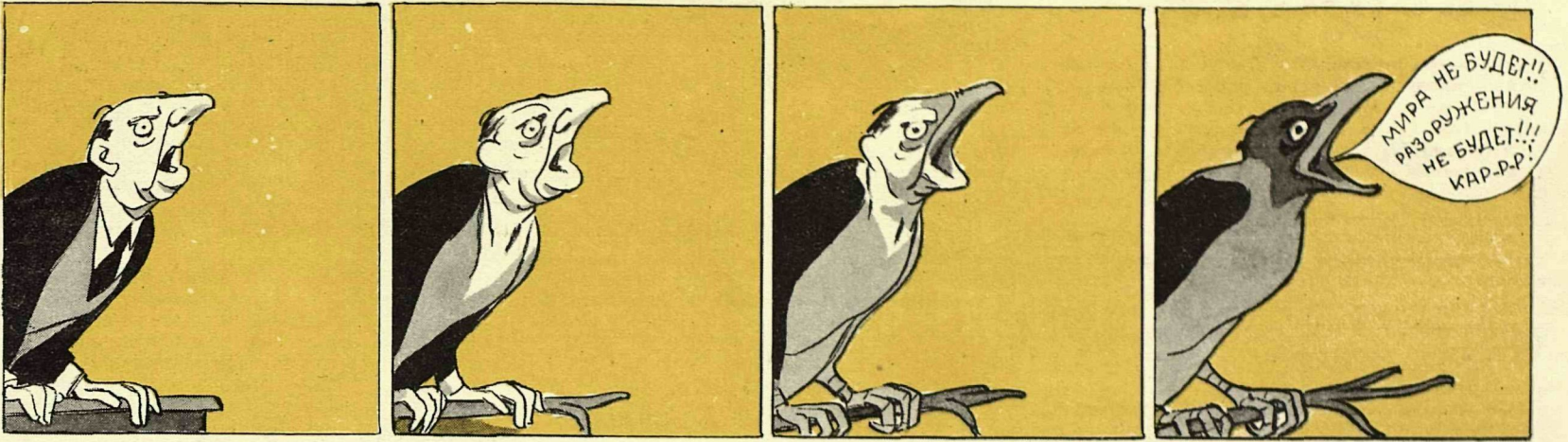
Если верить слухам, последнее обстоятельство рассматривается в определённых кругах как убедительный аргумент в пользу сохранения иностранных военных баз в Японии. В этих кругах считают, что отныне у японского народа нет ни малейших оснований обвинять иностранные войска в нанесении ущерба жизни или имуществу японских граждан. «Случай в Иокогаме показывает,— решительно заявляют представители этих кругов,— что разговоры о каких-то опасностях, которыми якобы чревато сохранение наших баз в Японии, являются лишь пропагандистским трюком».

С ЕГО ТОЧКИ ЗРЕНИЯ...

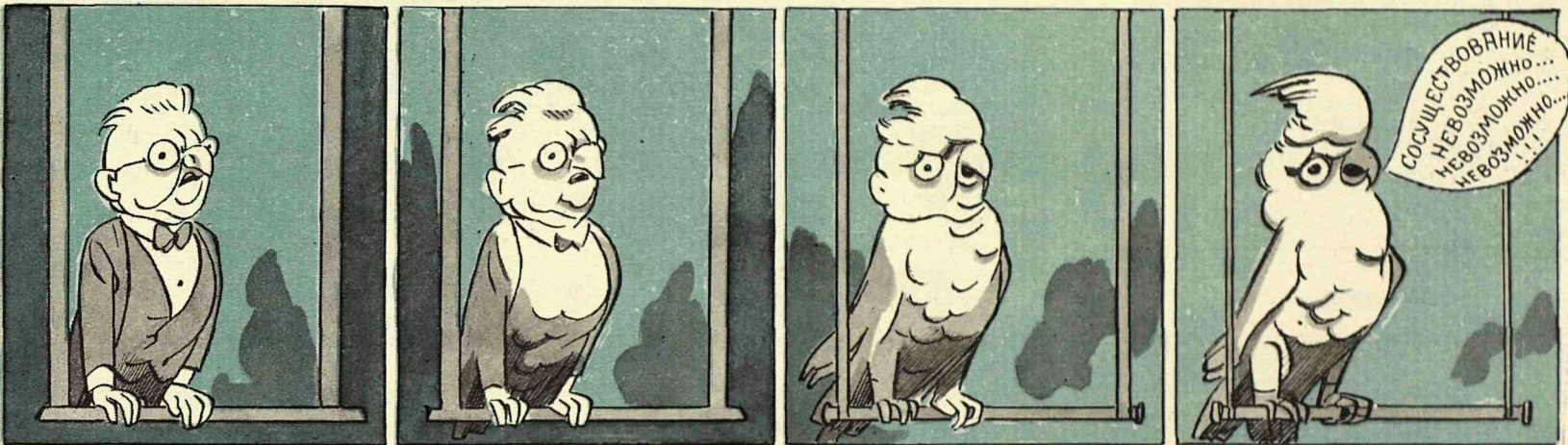
Рисунок Жана ЭФФЕЛЯ из французской газеты «Юманите».

Трудящиеся Франции борются за увеличение заработной платы.

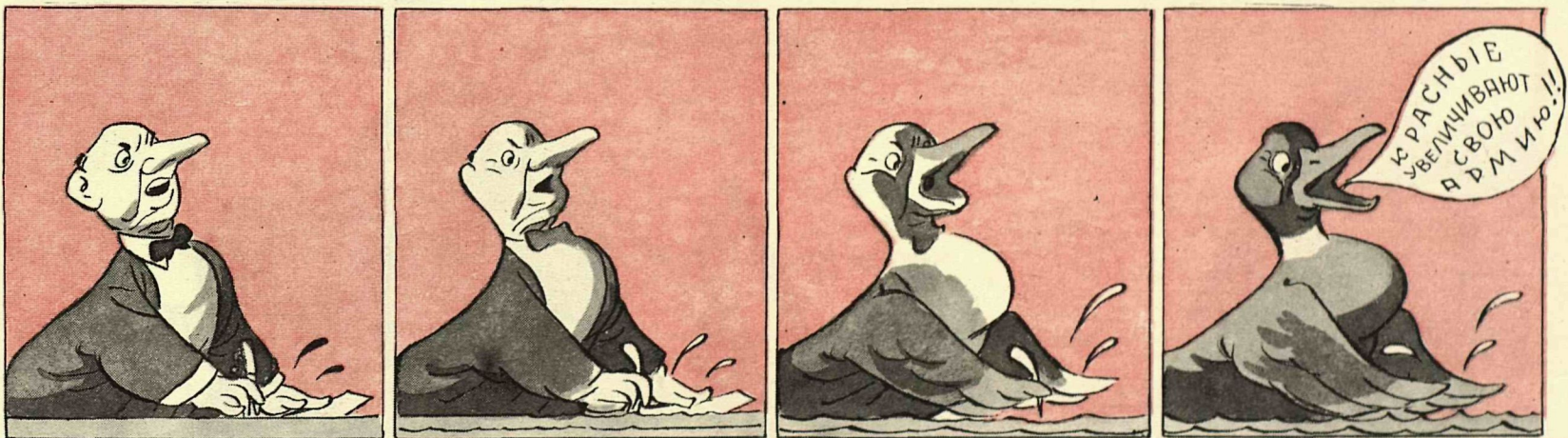

Представитель монополий — специалист по прогнозам.

Птица, близкая к влиятельным политическим кругам.

Газетный клеветник.

Мальбрук из генералитета.

ВИЛЫ В БОК

ПОЖАРНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Осенним днём 1953 года под сводами добровольного пожарного общества города Тулы гулко пронеслось:

— Братцы, горим!

Сигнал бедствия исходил из уст самого председателя общества Константина Максимовича Штукина.

— Где горит? — всполошились подчинённые, бросившись к мощным брандспойтам.

— Мы горим, — пояснил председатель упавшим голосом, — но пожар гасить будет прокурор...

...Дело о погоревшем пожарном обществе свыше двух лет блуждает в Туле из одной судебной инстанции в другую. И каждый лист этого «трёхтомника» повествует,

что «брандмайор» Штукин вкупе со своей «дружиной» положил в карман около двухсот тысяч рублей...

Механика наживы была весьма проста. Предав забвению свои прямые служебные обязанности, Штукин организовал отхожий промысел... Под вывеской пожарного общества он брал подряды на электромонтажные работы, а денежки — себе...

Казалось бы, всё ясно. Однако работники юстиции не спешат погасить очаг пожара. Видно, запах гари им по нутру. Что касается Штукина, то он, как говорится, и в ус не дует. Бодро и весело пребывает он на посту начальника снабжения строительно-монтажной конторы «Сельэлектро». И, делаясь опытом, поучает своих друзей:

— Надо уметь из сажки выйти чистым.

НА СТРАХ БОЛЕЛЬЩИКАМ

Всем любителям спорта, наверное, будет интересно прослушать новую патефонную пластинку. Начинается она с бодрого спортивного марша, за которым следует репортаж, способный повергнуть в смущение даже самого закалённого болельщика.

— Сегодня на зелёном поле стадиона встретились команды «Зенит» и «Строитель». Игра начинается в бурном, захватывающем темпе. Удар! Гол в ворота «Строителя»... Ещё удар! Ещё гол в ворота «Строителя».

И, не дав опомниться взволнованным болельщикам «Строителя», столпившимся у радиоприёмника, комментатор опрокидывает на них целый дождь вопросов, на которые тут же сам и отвечает:

— Почему проигрывает наша команда? Да потому, что центральный нападающий не участвует в игре. А почему центральный нападающий не участвует в игре? Да потому, что, работая на лесах, был плохо привязан и, поскользнувшись, повис между этажами...

Затем, оставив центрального нападающего висеть между этажами, комментатор переходит к заключительной части:

— Рабочие! Соблюдайте правила техники безопасности!

На этом репортаж с зелёного поля стадиона заканчивается.

Кто же догадался выпустить такие пластинки, которые играют на самых чувствительных струнах души футбольного болельщика? Поясняем. Начальник отдела техники безопасности Министерства оборонной промышленности тов. Евтюхов. Инициатива создания такой оригинальной пластинки принадлежит именно ему. Это он решил использовать технику звукозаписи для пропаганды техники безопасности.

Говорят, что теперь он записывает на пластинку оперу «Евгений Онегин» в рабочем клубе, причём вместо сцены дуэли идёт такой диалог:

— Почему Онегин не явился на дуэль?

— Потому, что он не хочет рисковать жизнью, подставив свою грудь под пистолет: это противоречит правилам техники безопасности, утверждённым товарищем Евтюховым.

ВЗЯТКИ ОБИЖАЕТСЯ

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Послушайте, вы мало денег у меня забыли!

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Кому подарки несёшь?
— Жене.

В Варзобском районе, Таджикской ССР, имеют место случаи, когда выдают замуж несовершеннолетних.

Жители улицы Панерю были взбудоражены вестью, что на территорию домовладения номер тридцать шесть переводится рыбозавод. Одним уже мерещились огромная заводская труба и клубы чёрного дыма, другие заранее содрогались от грохота машин и внутривозовского транспорта.

Рыбозавод начал работать, однако никто не услышал заводского шума, никто не увидел клубов чёрного дыма.

С волнением переступаем порог двери с вывеской:

«Вильнюсский государственный рыбозавод»

В длинной, залитой солнцем комнате за массивными канцелярскими столами сидят, склонившись над бумагами, люди. Стучат пишущие машинки, трещат арифмометры в сопровождении ритмично пощёлкивающих костяшками счётов. Контора как контора.

Извинившись за назойливость, просим Клеотаса Игнатавичюса познакомить нас с технологией холодного и горячего копчения рыбы и с первичной обработкой раков в цехах завода.

Директор смотрит на нас с плохо скрываемой иронией:

ЧУДО-РЫБОЗАВОД

— Пора бы знать, что наш завод работает без цехов.

— Как без цехов?!

— Задачей нашего завода, — терпеливо разъясняет директор, — является образцово поставленная скупка рыбы и раков и доставка таковых в торговую сеть города в первородном их состоянии и желательном в свежем виде.

— Позвольте! — воскликнули мы. — Следовательно, это вовсе не завод, а обычная заготовительная контора?

— Нам удалось довести до минимума число работников завода, — продолжал директор, подчёркивая слово «завод» и не обращая внимания на наш вопрос. — Одинадцать производственников и всего лишь шестнадцать служащих и технического персонала — вот и весь наш небольшой сплочённый коллектив.

— Но чем тогда объяснить, что жители Вильнюса не могут похвастать обилием рыбы и раков в торгующей сети города?

— Справедливое замечание, — согласился директор. — Но не за горами тот год, когда наш коллектив добьётся сто-процентной перевалки рыбы и раков согласно спущенному плану.

Бесстрастные цифры отчёта плохо гармонируют с оптимизмом Клеотаса Игнатавичюса. План закупок в текущем году заводом не выполнен, выручка от реализации заготовленного не покрывает расходов. Показатели предшествующих лет при-скорбно схожи с показателями текущего. Таким образом, результаты деятельности завода ощущает на себе главным образом государственная касса.

Так называемый рыбозавод в Вильнюсе — детище треста малого рыболовства Литовской республики. Управляющий трестом — Тадас Пошкус. Он создал завод, он его и опекает, опекает уникальное в своём роде предприятие, производящее единственную продукцию — убытки. А продукция эта, как известно, не пользуется спросом.

В. БАРАБАШИН,
Я. ЭЛЬКИНД

г. Вильнюс.

— Хороший аппетит у нашего замага: за завтраком он сидит до обеда, а за обедом — до ужина.

Шлите затейников!

О КУЛЬТУРНОМ ОТДЫХЕ ЛОДЫРЯ-СЛУЖБИСТА

Сегодня мы печатаем материалы с мест о жертвах реорганизации. Дрожь пробегает по телу, когда читаешь о мытарствах, которые приходится претерпевать работникам Магнитогорского холодильника. А какие тяжёлые испытания выпали на долю некоторых тружеников дрогобычских областных товарных баз! И те и другие ищут себе работы, не знают, чем заполнить свой учрежденческий день. И это крайне тяжело отражается на их самочувствии и психике. Ведь каждый из них воспитывался в наше время и буквально с молоком матери впитал в себя отдельные общеизвестные истины, а именно: «Без дела жить, только небо коптить», «Труд человека кормит, а лень портит», «Не сиди сложа руки — не будет скуки!».

А скука — бич лодыря, как сказал некий учрежденческий философ.

Мы долго думали над тем, чем бы занять штатных бездельников, как помочь им незаметно скоротать восьмичасовой рабочий день. И мы единодушно пришли к выводу, что без затейников здесь не обойтись. Весёлый, жизнерадостный затейник сильно подбодрит заскучавших службистов. Уже с утра он сможет наладить различные игры: в жмурки, фанты, «третий лишний». Можно организовать и учрежденческий ансамбль песни и пляски «Весёлый гротесбух» или что-нибудь в этом роде. Словом, в арсенале специалиста-массовика найдётся много средств развеять скуку.

Есть, правда, другой, несколько более сложный выход из создавшегося положения. Можно провести ещё одну реорганизацию и освободиться от лишних людей в аппарате. Но мы опасаемся, что на это здесь не пойдут. Поэтому придётся остановиться на затейниках.

Срочно шлите затейников, друзья!

Организуем здоровый отдых захандрившему бездельнику!

Жертвы реорганизации

МАГНИТОГОРСК (наш корреспондент). В Магнитогорском холодильнике создалась тревожная обстановка. Аппарат заскучал. Люди по целым дням беспечно скитаются из кабинета в кабинет, засыпают за столами или, лениво переругиваясь, роются в старых бумагах.

Исторически эта обстановка сложилась так. До последнего времени холодильник занимался выпуском мороженого. В зимнее время, когда осторожные магнитогорцы берегут своё горло, количество производственных рабочих здесь немногим превышало полсотни. Руководили этими рабочими директор Г. Г. Раннев, его заместитель, главный инженер, главный механик, главный экономист и ещё целая группа ответственных и полответственных работников. Словом, на пятьдесят рабочих приходилось семьдесят администраторов. Многим из

этих семидесяти приходилось проявить максимум изобретательности, чтобы создать видимость работы. Когда эта видимость была создана, аппаратчики успокоились. И вдруг их постиг неожиданный удар. Холодильнику предложили дополнительно заняться поставкой потребителям мяса и молока. Раньше этим делом занимались предприятия-поставщики. Содержание их весьма скромного сбытового аппарата обходилось ежемесячно менее полутора тысяч рублей. Теперь же, когда поставщиком сделался холодильник, был создан специальный аппарат из двадцати трёх человек. Таким образом, количество бездельников скакнуло вверх.

...Вот сидят в кабинете три начальника: заместитель директора холодильника Новосёлов, начальник отдела Лобок и его заместитель. Сидят и скучают. Все операции по отправке, скажем, мясопродуктов выполняет мясокомбинат. Сбытовикам из холодильника остаётся только выписать приказ об отпуске груза. Пустяковая эта работа обставляется с чисто театральной пышностью. Один выписывает

Гостеприимные люди

...Поезд стремительно мчится вперёд. Стука колёс не слышно, он слился в однообразный шум. А за поездом, по шоссе, протянувшемуся параллельно железнодорожному полотну, ещё более стремительно мчится легковая машина. Пассажиры из окон вагона с интересом наблюдают: машина явно хочет догнать поезд. И действительно, ещё рыбок — и «Победа» настигает состав.

Вот уже видны напряжённые лица шофёра и двух ездоков, которые размахивают руками, что-то кричат, видимо, подго-

няя водителя. Но шофёр и так старается — машина вырывается вперёд и, как говорят спортсмены, обходит поезд. К станции Наманган-Чартак «Победа» прибывает первой.

Чем же было вызвано это небывалое состязание? Как выяснилось позже, — исключительно гостеприимством.

Дело в том, что незадолго до этого происшествия в город Наманган прибыл тов. Насыров, в то время министр промышленных товаров широкого потребления Узбекской ССР, а ныне министр текстильной промышленности республики. Его подчинённые — директор 3-го хлопкозавода тов. Игнатенко и начальник автоколонны Узхлоптранса тов. Каюмов — решили было на славу угостить высокого начальника. Лучшие повара приготовили для такого

приказ, трое подписывают, пятый ставит печать...

А дальше что? Время тянется бесконечно. «Чем бы ещё заняться?» — думают сбытовики. Переберут они бумажки на столах, поговорят с жёнами по телефону («Что сегодня на обед?», «Купили ли Вовке галоши?»), решат кроссворд («Бог солнца из двух букв», «Современный композитор из шестнадцати»), а до звонка ещё много времени.

— Скучища-то какая! Поругаться, что ли, с мясокомбинатом?

Труженики заметно оживляются. Сочинение послания занимает добрую половину дня. Затем заспанная курьерша несёт пакет на мясокомбинат.

— Ответа не будет! — говорят выдавшие вид мясокомбинатчики.

Да ответа никто и не ждёт. Ведь время убито, а это — главное.

Ещё два года назад руководители холодильника жили со всеми в ладу. Теперь от нечего делать они заводят тяжбы и ссоры. А раз так, понадобился и юристконсульт. Это, пожалуй, единственный человек, который не жалуется на отсутствие работы.

Впрочем, споры возникают не только от безделья. С передачей сбытовых функций холодильнику в несколько раз возросло число жалоб. Ведь, реализуя продукцию, которую они не видят в глаза, руководители холодильника отказываются отвечать за её качество. Отсюда и всевозможные инциденты и нарекания.

Но и самоотверженная борьба с жалобщиками не загружает полностью рабочий день сбытовиков. Это вызывает нарекания старых работников холодильника.

— Неровён час, накличете вы беду, — говорят они.

— Это почему же? — огрызаются сбытовики.

— Заметят ваше безделье. И подведёте вы всех нас под сокращение!

— А может, не заметят?

— По цифре найдут! Шутка ли сказать, за восемь месяцев холодильник получил только от одного мясокомбината полтора миллиона рублей. А за что, спрашивается? За выписку приказов...

Сбытовики вздыхают. Наступает тяжёлая пауза. Потом всё успокаивается. И снова жертвы реорганизации попадают в объятия мертвящей учрежденческой скуки.

Л. ЛЕОНИДОВ

Сквозь дремоту

ДРОГОБЫЧ (наш корреспондент). Упительно тих и безмятежен служебный день на дрогобычской базе «Главобувторга». На учрежденческом небе ни облачка. Тишина. Покой. Благодать. Лишь изредка над головами

случая плов с ароматной приправой, изысканные деликатесы и, конечно, прочие интересные вещи, без которых ни один приличный стол обойтись не может.

И вот, когда совсем уж было собрались просить министра к столу, обнаружилась ужасная вещь... Министр отбыл поездом в Ташкент!

Но Игнатенко и Каюмов не растерялись. Был объявлен аврал. Хлебосольные хозяева быстренько уселись в «Победу». Столь же молниеносно в машину перенесли и все приготовленные угощения. И вот тут друзья блестяще доказали преимущество автомобильного транспорта перед железнодорожным. Как читатель уже знает, поезд, а вместе с ним и «беглец» были достигнуты. Пиршество состоялось прямо в вагоне. Немало тостов успели про-

сотрудников прогремит директивный гром, или пошумит нивесть откуда налетевшее начальство. Пошумит и отбудет восвояси. И снова контора погрузится в дремоту...

В такой славный денёк наденет свой картуз управляющий базой товарищ Завиркин и пойдёт побалакать со своими друзьями из баз «Главторгодежда» и «Главтекстильторга».

— Здорово, друг Шкуренко!

— Здравствуй, Завиркин!

— Как живём-можем, Черченко?

— Да так, маемся помаленьку. «Жизнь бьёт ключом, и всё по голове!»

— Неужто неприятности?

— Не без того...

— Он с зимой конфликтует, — смеётся управляющий базой «Главторгодежда» Шкуренко

— Да, я сам встречу деда Мороза в тапочках и босоножках, — грустно замечает Завиркин.

— Не это меня волнует, други! Чувствую что под нас подкапываются.

— Это в каком смысле?

— В смысле аппарата...

На лица управляющих набегают туча. Да, с аппаратом нехорошо. Сущее наказание. У всех конторы как конторы. В любой конторе жизнь бурлит, бьёт через край, а у них тихо, словно в келье перед заутреней. Никто никуда не спешит, никто никого не ругает. Не загруженный работой сотрудник уныло перечитывает уже читанную газету. Экономист сонно глядит на счёты и встрепёнется только тогда, когда шальная муха спикурует на его лысину. Даже работяга-бухгалтер отказался от своей механизации — арифмометра, чтобы дать себе лишнюю работу...

Сонное это царство наступило после реорганизации. Три года назад существовала в Дрогобыче база «Главлегсбыта». Она снабжала торговую сеть обувью, тканями, трикотажем и пр. Базу разукрупнили. На её месте выросли три базы: «Главобувторг», «Главторгодежда», «Главтекстильторг». Соответственно с этим стало три управляющих, три заместителя управляющих, три старших бухгалтера, три заместителя старших бухгалтеров, три юриста-консультанта и т. д.

Нельзя сказать, чтобы трём человекам стало труднее выполнять работу, которую когда-то выполнял один. И эта мысль гнетёт управляющих.

— Как бы нас не того... — повторяет Завиркин.

— Очень даже просто, — откликается Шкуренко. — Сократят за милую душу.

Лица управляющих ещё больше мрачнеют. Наскоро попрощавшись, они расходятся по конторам. День уже не кажется им таким безоблачным. Запершись по кабинетам, начальство долго и мучительно думает над тем, чем бы занять своих подчинённых, чтобы создать впечатление, будто они работают с предельной нагрузкой.

И. ПУРТОВ

изнести директор завода и начальник автоколлонны, в том числе и за шофёра, катившего в это время на «Победе» вслед за поездом.

...Как видим, гостеприимство гостеприимству рознь. И в гостеприимстве, которое проявили Игнатенко и Каюмов, несомненно, много общего с поступками многоопытного Антона Антоновича Сквозника — Дмухановского. Помните его трогательное признание:

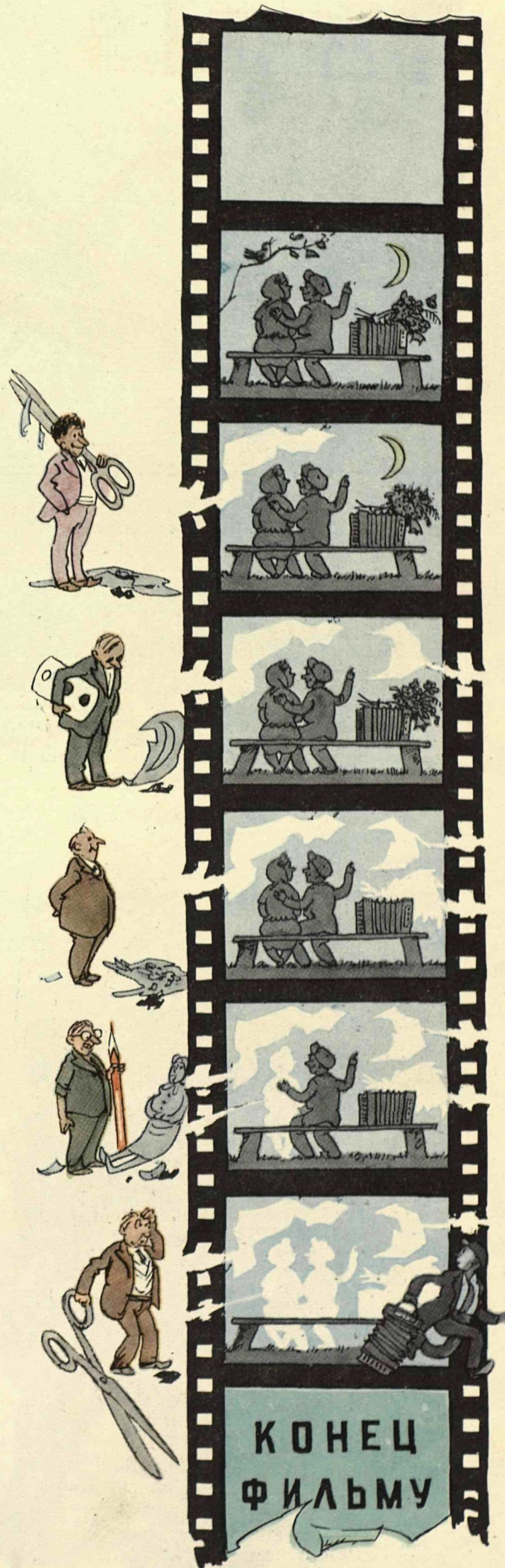
«...даже когда ложишься спать, всё думаешь: «Господи боже, ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным...».

И Каюмов и Игнатенко могут спать спокойно: их ревность у всех на виду!

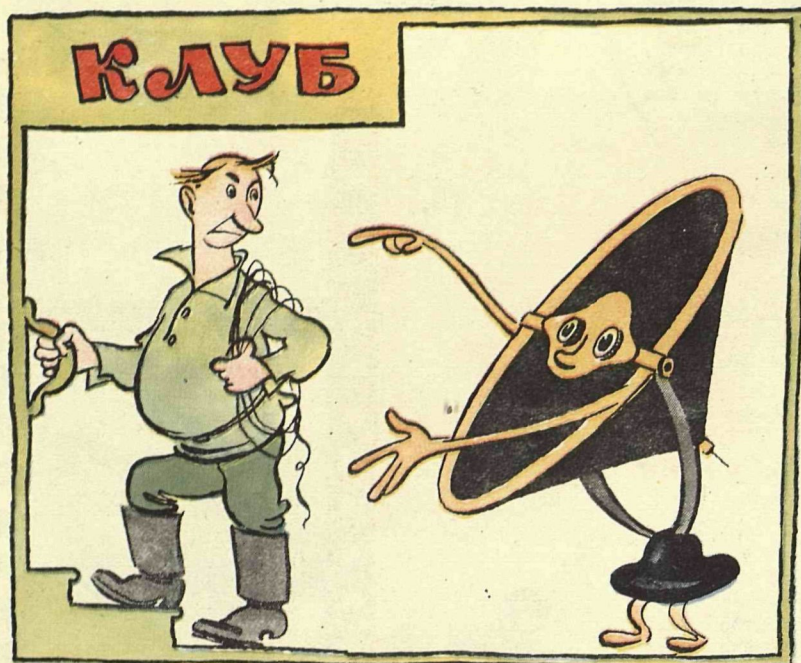
Р. КЛЕВАКИН

ОТРЕДАКТИРОВАЛИ...

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

ЗАКЛИНАТЕЛИ

— Дяденька, проведи!

КАК НИ СТРАННО, НО...

...в магазинах культтоваров города Калинин нет ни готовален, ни чертёжных досок, ни бумаги, ни туши, нет даже обычных линеек.

Мало того, в продаже совсем отсутствуют чернила.

Последнее обстоятельство, как предполагают, вызвано тем, что весь запас чернил израсходован работниками горторга на писание «деклараций» об улучшении обслуживания населения.

Кому не известна чудодейственная сила заклинания! Стоит, бывало, какому-нибудь сказочному герою произнести: «Встань передо мной, как лист перед травой» или «По моему хотению, по щучьему велению» — и пойдут твориться чудеса.

Есть все основания предполагать, что члены месткома Института радиотехники и электротехники Академии наук СССР считают своё слово и своё веление не менее чудодейственным, чем любое заклинание. Об этом даёт ясное представление такой лаконичный документ:

«ВЫПИСКА

из постановления местного комитета ИРЭ АН СССР от 17/VIII-55 г.

§ 3.

1. Слушали: Морозова В. К., который обратил внимание на ослабление производственно-массовой работы за последние 1,5 месяца и ослабление выполнения решения партбюро по этому вопросу.

Постановили:

Предложить производственно-массовой комиссии месткома, профбюро и профгруппоргам усилить производственно-массовую работу на своих участках, неуклонно выполнять решение партбюро ИРЭ АН СССР от...

Верно:
Секретарь месткома

(И. А. Станкёвич)».

Итак, какой прискорбный факт установлен при слушании Морозова В. К.?

Ослабление производственно-массовой работы.

Что необходимо сделать?

Усилить оную.

И вот члены месткома хором произносят заклинание:

«Постановили: предложить... усилить».

В сказках «щучье слово» действует незамедлительно и точно. А в действительности...

В действительности, оказывается, чуда не бывает. Заклинание институтских месткомовцев не производит никакого эффекта. Как они ни тешат себя надеждами, «производственно-массовая работа» после таких постановлений в институте не только не усиливается, а окончательно хиреет. А профорги, на чью голову падает это заклинание, читают выписку и решают головоломные вопросы: что понимается под «производственно-массовой работой», как она ослабевает и каким образом её усиливают?

Может быть, работники месткома института спустятся в мир действительности, засучат рукава и практически ответят на эти вопросы?

В. ЗАЦЕПИН

ПО ПЕРВОЙ ПОРОШЕ

— Как снежок-то хрустит!
— Под ним капуста.

Дорогой Крокодил!

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

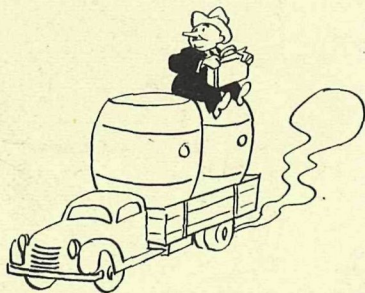
ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Когда главный инженер стройуправления № 14 треста «Макеевшахтострой» тов. Эбонаидзе попросил в тресте машину для перевозки семьи из Ростова в Макеевку, ему охотно пошли навстречу.

И вот заботливый семьянин Эбонаидзе на автостраде. Доехав до Ростова, он не остановился, а покати́л дальше на юг. «Поехал-то я за семьёй,— рассудил он,— а для родного человека семь вёрст не околица».

«Семь вёрст» растянулись до самого города Тбилиси. Казалось бы, всё шло хорошо. Машина благополучно прошла все опасные повороты горных дорог и повернула восвояси. И тут на одном из живописных перегонах Черноморского побережья произошла неожиданная встреча.

Госавтоинспекция сочинского управления милиции решила познакомиться с семьёй инженера Эбонаидзе. Однако это знакомство не состоялось. В кузове автомашины, там, где должна была находиться семья инженера, были обнаружены... только две трёхсотлитровые бочки, до краёв наполненные виноградным вином, предназначенным для продажи на рынках Донбасса.

Как видишь, дорогой Крокодил, Эбонаидзе решил поставить свою коммерцию на широкую ногу. Но его неудачный автопробег показал, что на спекуляции далеко не уедешь.

И. КУПРИЯНОВ

г. Сочи.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Где находится «полос холода»? «В Якутской АССР», — конечно, ответишь ты. Правильно! Однако семьясот с лишним членов нашего клуба юных полярников уверены, что существует ещё и второй «полос холода»...

Кстати, о нашем клубе. О нём знают ещё немногие. Мы часто называем наш клуб «полярной станцией». Создана станция в прошлом году, и находится она не во льдах холодного и сурового океана, а в Москве, в детском парке Москворецкого района. Но условия, в которых школьники изучают метеорологию, гидрологию и т. п., весьма суровы! Приблизить рабочую обстановку в клубе к настоящей полярной ста-

рается человек, на первый взгляд ничего общего ни с Арктикой, ни с Антарктикой не имеющий. Это заместитель начальника Главмостроя тов. Винокуров.

Главмострою подчинён трест «Горжелдорстрой», а работникам этого треста ещё в 1946 году «временно» была выделена под общежитие часть школьного здания на территории детского парка. Вернуть же это «временно занятое» помещение тов. Винокуров никак не желает! Поэтому юные полярники и вынуждены проводить свои занятия «на свежем воздухе».

Заступались за клуб знатные полярники, академики, известные лётчики. Но полярным холодом веет из кабинета тов. Винокурова.

Именно потому, дорогой Крокодил, юные полярники и считают, что, помимо «полоса холода», находящегося в Якутии, существует и второй «полос холода» — в Москве, на Кропоткинской набережной, дом 45/1, в кабинете заместителя начальника Главмостроя...

М. ФАСТОВСКИЙ.

г. Москва.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

«Сумская область. Председателю Шосткинского райсовета». По этому адресу отправил письмо с острова Шпицберген шахтком рудника.

А в письме содержалась просьба оказать помощь матери шахтёра Бензика, проживающей в селе Чеплеевке, Шосткинского района. Дело в том, что семьи работников рудников имеют льготы по сельхозналогу, а мать Бензика почему-то лишилась этой льготы.

Понятно, дорогой Крокодил, с каким нетерпением Бензик ждал ответа о принятых мерах!

И меры были приняты. Не обычные, а особенные. Председатель райсовета, увидев, что на письме с далёкого острова нет марки, признал полезным отослать письмо обратно на Шпицберген.

На конверте появилась выразительная надпись:

«От получения отказались».

Дорогой Крокодил! Мы не стали вторично посылать письмо в Шостку. Надеемся, что председатель райисполкома прочтёт о нашей просьбе на твоих страницах.

П. КРАМАР,
Н. ЗАЙЦЕВ.

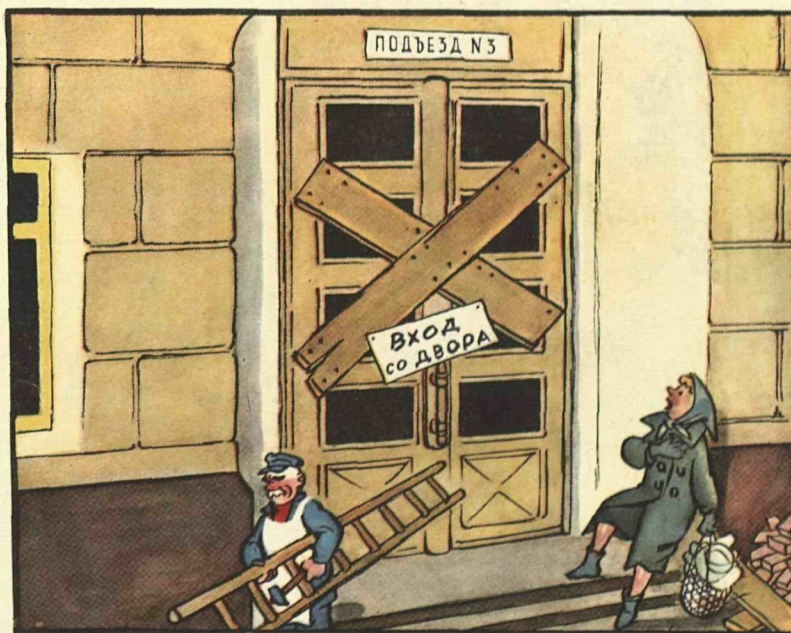
о. Шпицберген.

— Вот видите, к чему приводит доверчивость...

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Забить так скоро! Боже мой...

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов. А 05934. Изд. № 941. Подписано к печати 10/XI—1955 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂. Заказ № 2988. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40 21 НОЯ 1955

ОЧЕРЕДНОЙ ТАРАН

15257 м

Американский сенатор Ноулэнд, выражающий интересы наиболее реакционных кругов США, в своих публичных заявлениях предсказывает... «экономический крах Советской России».

Всесоюзная
Минимал палата
Обязат. экземп.
1955 г.

СССР

